

Т О Б О Л Ъ С К І Я

Е П А Р Х І Я Л Ы Н Ы Я В Ъ Д О Ж О С Т Н.

№ 11.

1 іюня 1898 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Къ вопросу о религіозно-нравственномъ состояніи остяковъ.

О сѣверномъ населеніи Тобольской губерніи — инородцахъ въ последнее время не мало пишутъ въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ и газетахъ. Одни выставляютъ крещеныхъ инородцевъ совершенно еще язычниками, другіе видятъ въ нихъ болѣе христіанскихъ воззрѣній, чѣмъ языческихъ. Поэтому мнѣ, какъ жившему нѣсколько лѣтъ среди остяковъ и ближе многихъ излѣдователей видѣвшему ихъ религіозную жизнь, хотѣлось бы высказать свое сильное слово по данному вопросу.

Если односторонне, бѣгло, поверхностно, съ одной виѣшней стороны смотрѣть на предметъ, то, пожалуй, можно будетъ сопричислить инородцевъ къ идолопоклонникамъ, но взгляните посерьезнѣе, вникните поглубже въ суть вещей, и вы убѣдитесь, что остяки совсѣмъ не такіе идолопоклонники, что уже не во всей силѣ царить въ нихъ невѣжество: фанатизма языческаго нѣтъ и слѣда, не осталось твердыхъ основъ и убѣжденій и въ ихъ преданіяхъ старины, за которыя бы они крѣпко держались. Все разрушено, поколеблено проповѣдями великаго сибирскаго миссіонера — митрополита Филоея (въ схимѣ — Θεодора) Лещинскаго, ослаблено трудами послѣдующихъ Тобольскихъ архипастырей и мѣстныхъ пастырей, живущихъ, конечно, въ своихъ приходахъ не всегда въ бездѣйствіи и не безъ

пользы и успѣха. Христіанское ученіе подорвало въ корнѣ язычество, и то, что мы видимъ и слышимъ теперь, — не язычество и не идолопоклонство, а только гнилые обломки разрушеннаго язычества, но, въ то же время, не есть и истинное православное христіанство. Назваться православнымъ христіаниномъ легко всякому, но достоинъ ли сего наименованія, въ строгомъ смыслѣ слова, всякій русскій, не только остякъ? Не всякій крещеный русскій можетъ назваться съ дерзновеніемъ „православнымъ“. Слово коротко, а многозначуще.

Нашъ русскій народъ девять слишкомъ столѣтій тому назадъ принялъ христіанство, но несмотря на это и донинѣ въ крестьянскомъ быту сохранились разныя языческія суевѣрія и повѣрія, имъ же нѣсть числа, которыхъ крѣпко держится мужикъ. Что такое празднованіе всѣмъ извѣстной масляницы, со всѣми ея атрибутами (ѣзда чрезъ огонь, пѣсни и безобразія)? Святки, завиваніе вѣнковъ въ Троицынъ день, примѣты до и послѣ вѣнчанія, при крещеніи — наблюденіе за воскомъ??? А домовые, водяные, лѣшіе?.. Это все остатки глубокой, сѣдой старины, перемѣшанной съ христіанствомъ. Попытайте разубѣдить крестьянина, что не домовою, а самъ конь заплетаетъ себѣ косы (крутитъ) на гривѣ, докажете невозможность воска утонуть въ водѣ въ силу физическихъ условій, раскройте неправославіе масляницы и пр., что вамъ отвѣтятъ не только крестьяне, но и еще кто-нибудь изъ болѣе высшаго сословія?... Крестьяне навѣрное скажутъ: не мы одни такъ дѣлаемъ и вѣримъ — всѣ и вездѣ такъ поступаютъ и вѣрятъ, такъ разумѣли и нерушимо исполняли наши дѣды и прадѣды; не нами началось, не нами и кончится. А изъ интеллигенціи кто-нибудь скажетъ или помыслитъ, что-де масляничныя и святочныя увеселенія, хотя и антихристіанскія, но полезны въ виду разнообразія и развлеченія въ однообразной и скучной жизни человѣчества. Послѣ этого и возмущайтесь и ратуйте сколько вамъ угодно, а пользы все-таки не увидите. Такіе-то или подобныя суевѣрія и предрасудки, а подчасъ и завѣдомая ложь (но не полная сознательная вѣра), проявляются и въ остятскомъ мірѣ, только съ тою разницею, что въ инородческой жизни суевѣрія болѣе рѣзки, свѣжи, чѣмъ у нашихъ русаковъ. Да и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Сибирь завоевана Ермакомъ въ 1582 году, — страна у насъ еще новая, а проповѣдь о Христѣ серьезно раздалась среди остяковъ только со

времени принятія схимы митроп. Филошеевъ, т. е. съ 1711 года (186 лѣтъ назадъ). Чего же удивляться суевѣріямъ остяковъ? Принимая въ соображеніе сравнительную недавность православія на почвѣ сибирскаго язычества, нужно благодарить Господа Бога и за то, что уже посеяно, выросло, а мѣстами и достаточно созрѣло.

Появился кто-нибудь „изъ духовенства“ среди остяковъ, въ низовой глуши, скорѣе уже торопится къ этой несчастной сторонѣ обратить тыль, торопится умозаключать, кого-то, только не себя, осуждать, забывая, что осуждаетъ. „Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, а наемникъ бѣжитъ“... Такая уже злосчастная участь всѣхъ остятскихъ приходовъ, гдѣ и 360 руб. жалованья отъ казны не дѣлаютъ счастливыми и усидчивыми пастырей церкви. Что же гонить нашего брата съ сѣвера на полдень (югъ)? Холодъ, климатическія условія, нищета, бѣдность?... Совсѣмъ нѣтъ. „И на сѣверѣ Богъ щедрою рукою разсыпалъ въ изобиліи Свой дары“, какъ выразился одинъ изъ уважаемыхъ о. о. протоіереевъ града Тобольска. Гонить боязнь борьбы съ искорененіемъ остятскихъ заблужденій — это во-первыхъ, а во-вторыхъ — человекъ интеллигентный или полунинтеллигентный тяготеетъ жизнию въ зловонной остятской атмосферѣ, нѣкоторые (изъ трусливыхъ) боятся грозной водной стихіи, которой избѣжать на низу нельзя.

Какъ бы то ни было, остяки все-таки люди, подобные намъ; они наряду съ русскими охотно привозятъ и приносятъ крестить въ храмъ своихъ дѣтей — не по принужденію, а по доброй волѣ; считаютъ грѣхомъ жить свободнымъ бракомъ, въ виду чего, и во избѣжаніе разврата, стараются скорѣе повѣнчаться; исполняютъ христіанскій долгъ исповѣди и св. причастія; посѣщаютъ храмъ при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно въ великіе праздники; усердно молятся и вообще дѣлаютъ все то, что и ихъ сосѣди русскіе, съ которыми они давно (въ смѣшанныхъ приходахъ) породнились посредствомъ брачныхъ узъ и кумовства. Неужели всѣ поименованные христіанскіе порядки инородцами выполняются *изъ боязни этикета*, какъ и тайныя продѣлки шамановъ въ лѣсахъ и явныя — въ амбарушкахъ среди юртъ? Нельзя допустить. Вѣдь не боится же остякъ приступать къ исповѣди въ пьяномъ видѣ... Не испугается и трезвый. Если пришелъ нетрезвый остякъ на исповѣдь, — онъ не можетъ служить

мѣриломъ осужденія вѣхъ ему единокровныхъ, — такового слѣдуетъ вразумить и принять на исповѣдь тогда, когда онъ протрезвится. Что же касается винопитія послѣ причастія, то примѣръ этотъ, какъ и многіе другіе, не взять ли отъ крестьянъ, которые тоже не прочь выпить лишнюю послѣ принятія св. тайнъ? Шаманство, облеченное въ форму языческихъ обрядовъ, суть предлогъ къ пьянству, предлогъ, не имѣющій серьезнаго значенія, какъ русская масляница и святки. Тайно продѣлываемыя остяками моленія и поклоненія истуканамъ совершаются не изъ страха (ихъ никто за это строго не преслѣдуетъ, не угнетаетъ), а отъ стыда предъ русскими и предъ своими, болѣе разумными, отъ сознанія, хотя еще и неяснаго, пошлости и грубости ихъ обрядовъ, которые, однакожь, сильно и привлекательно дѣйствуютъ на чувственность инородца, воспитаннаго среди этого круга ложныхъ взглядовъ.

Относительно погребенія инородцевъ нужно сказать, что таковое сопряжено съ большими неудобствами и трудностями какъ для самихъ инородцевъ, такъ и для причтовъ. Представьте себѣ какія-либо юрты, отстоящія отъ приходскаго храма за 25, 50, 100 и болѣе верстъ. И вотъ въ этихъ-то юртахъ умираетъ остякъ или остячка. На дворѣ весна, со своимъ половодьемъ, лѣто или осень — все равно. Путь къ храму водой, въ лодкѣ. Вдругъ — буря, штормъ... Что дѣлать съ покойникомъ, котораго везутъ на приходское кладбище? Переждать съ нимъ день и два гдѣ-нибудь на берегу, сопкѣ или островѣ. Между тѣмъ покойникъ разлагается. Это становится въ тягость инородцамъ (да и не однимъ инородцамъ)... Не легче того и подыскивать людей въ гребни и умѣлаго человѣка, сильнаго и смѣлаго, на корму, которымъ нужно платить иногда и деньги, а остякъ бѣденъ, платить ему нечѣмъ... За священникомъ плыть, чтобы привезти его въ юрты, еще болѣе хлопотъ; необходимо сдѣлать тогда четыре конца, вмѣсто двухъ, лишь для того, чтобы отнѣсти покойника на мѣстѣ. Что же дѣлаютъ инородцы, дабы избѣжать подобныхъ неудобствъ? А вотъ что. Въ каждахъ дальнихъ юртахъ, а крестьяне — въ деревняхъ, устраиваютъ свои, отдѣльныя отъ приходскихъ, кладбища, и здѣсь хоронятъ своихъ умершихъ, которые въ силу необходимости остаются не отпѣтыми до зимняго пути. Между тѣмъ время идетъ и не рѣдко остякъ напоминаетъ священнику объ

уеопшемъ только чрезъ годъ или два, такъ что нельзя хорошенько узнать, когда именно извѣстный остякъ померъ и отчего померъ.

Исходя изъ такихъ соображеній, приходится винить не остяка, а отдаленность воднаго пути и сопряженнаго съ нимъ неудобства, какъ то: бури, проливные дожди, потеря времени и матеріальныя издержки, а подчасъ и опасеніе за личную жизнь. Развѣ не было примѣровъ стоянки въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ на одномъ мѣстѣ, вдали отъ жилья, изъ-за бурь?! Дожидаются тихой погоды и духовные, и остяки и крестьяне, которые застигнуты валами на распутии... Не въ похвальбу, а только одну правду скажу про себя: лично я никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не робѣлъ предъ разъяренными водными валами и всегда, и куда угодно, согласенъ былъ ѣхать и даже сѣсть на корму. Робость на водѣ — дѣло плохое: тутъ надо глядѣть въ оба...

Тоже, или почти что тоже, испытывается и при напутствіи болящаго св. тайнами и при нуждѣ крещенія младенца.

Вотъ почему установился неправильный взглядъ на чинъ погребенія ближнихъ и дальнихъ остяковъ! Сократите и сдѣлайте болѣе удобными и надежными пути сообщенія тѣми или иными способами, тогда и взглядъ на погребеніе былъ бы иной. Нѣтъ словъ, епархіальное начальство слѣдило и слѣдитъ за всѣми проявленіями жизни инородцевъ и знаетъ положеніе дѣлъ въ томъ или другомъ краѣ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ мѣстные пастыри, старается улучшить бытъ инородцевъ, возвысить ихъ умственный и нравственно-религіозный кругозоръ посредствомъ тѣхъ или другихъ способовъ, но дѣло въ томъ, что благія цѣли и начинанія не находятъ примѣненія на практикѣ. Такъ, было распоряженіе какъ можно чаще посѣщать приходскимъ пастырямъ подвѣдомыя имъ юрты, съ тѣмъ, чтобы вразумлять инородцевъ въ истинахъ православной вѣры и, по возможности, раскрывать ихъ заблужденія, а о результатахъ сихъ посѣщеній доносить отчетами, по принадлежности, каждое полугодіе. Священники вразумляли заблудшихъ при всѣхъ удобныхъ случаяхъ, именно: во время крестохожденій, сборовъ, требоисправленій и т. п., но этого мало, — слѣдовало бы вести правильныя собесѣдованія въ болѣе свободное время, а тутъ-то и главныя препятствія — ни крестьяне, ни остяки не даютъ бесплатныхъ подводъ. Безпаспортаго бродягу,

волостнаго разсылнаго съ бумажкой отъ всеильнаго писаря, отправляющагося за водкой въ ближайшее питейное заведеніе (было и то!..), больнаго, или притворившагося больнымъ, съ рыбопромышленныхъ песковъ, и прочее отребіе везутъ безпрепятственно „на земскихъ“ или „на между-дворныхъ“, а священника, ѣдущаго съ миссіонерскою цѣлю, не везутъ, потому что не приказано „волостными“... Такимъ-то образомъ вопросъ объ улучшеніи религіозно-нравственнаго состоянія инородцевъ остается открытымъ.

Но все-таки, при всѣхъ неудобствахъ сообщенія съ инородцами, послѣдніе исправляются годъ отъ году, прогрессивно, къ лучшему, чему способствуютъ не только пастыри, но и школы, духъ времени (а оно сглаживаетъ горы), русская культура, среди которой вращается остякъ и, по своей впечатлительной натурѣ, онъ не можетъ не отличить худо отъ добра.

Шайтанъ, по понятіямъ иртышскихъ и обдорскихъ остяковъ, есть тотъ же діаволь, но не слуга Божій, и если его уважаютъ, то только за то, чтобы онъ не дѣлалъ зла. Бывали случаи, чтобы избавиться отъ докучливыхъ посѣщеній шайтана, остяки служили молебны истинному Богу и просили священника окропить св. водою ихъ дома. Такъ со слугами Божиими остяки не поступали бы. Фактъ этотъ имѣлъ мѣсто въ Наз—скихъ юртахъ, К—го прихода. Послѣ окропленія стѣнъ водою, шайтанъ пересталъ ночью ходить изъ лѣса, перестали выть и собаки, какъ говорили остяки...

Умилостивленіе жертвами злаго духа — не обоготвореніе его. Крестьянскія бабы тоже не признаютъ домоваго слугою Божиимъ, но слугою діалова, тѣмъ не менѣе, подобно инородцамъ, умилостивляютъ его разными снѣдами, ставя гдѣ-либо въ углу подполья тварожныя шаньги или мясо, которыя, разумѣется, обгрызаютъ или сѣдаютъ мыши, крысы и кошки, но простолюдинъ въ полной увѣренности, что всѣ яства истреблены домовымъ (онъ же и „сусѣдка“).

Разумнѣйшіе изъ остяковъ увѣряютъ, что у нихъ одинъ съ русскими вышній Богъ (Туромъ, Торумъ), предъ Которымъ они въ страхъ трепещутъ, Богъ свѣтлый и незлобивый, а что касается истукановъ, разныхъ деревьевъ, лоскутковъ на деревьяхъ и т. п., которымъ иногда втайнѣ поклоняется остякъ, то это, по ихъ понятіямъ,

совсѣмъ не страшные теперь боги, а скорѣе — дѣтскія игрушки, которыми невысокую цѣну остякъ знаетъ и поклоненіе воздаетъ имъ по мѣрѣ того, насколько удаченъ или неудаченъ былъ промыселъ. Если удаченъ, остякъ покланяется своему самодѣльному кумиру и, пожалуй, помажетъ ему кровью губы; если неудаченъ — горе этому божеству — остякъ бьетъ его до тѣхъ поръ, пока не сорветъ на немъ всю свою ярость... Вотъ и уваженіе кумиру, за котораго будто бы крѣпко держится остякъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что и медвѣдь (ошника) обоготворяется остяками. И то неправда. Медвѣдь пользуется у нихъ только особымъ уваженіемъ за его физическую силу, за его великодушіе *), но, при всемъ томъ, остяку не мѣшаетъ, при встрѣчѣ, убить изъ винтовки медвѣдя на-поваль. Не только остяки, даже и русскіе почтили особымъ наименованіемъ этого звѣря, именно „Михайломъ Ивановичемъ“, а его сожительницу — „Марьей Ивановной“. И какъ у однихъ, такъ и у другихъ, медвѣдь есть ни что иное, какъ только почтенный въ нашихъ лѣсахъ звѣрь-богатырь.

Вообще говоря, остяки — суть дѣти природы, которыхъ слѣдуетъ не порицать, а сожалѣть и всячески помогать имъ выйти изъ мрака невѣдѣнія, просвѣщать христіанскимъ ученіемъ неослабно, съ кротостію и долготерпѣніемъ, — это прямая обязанность наша. Недалеко б. м. то время, когда остякъ сольется во едино съ русскимъ элементомъ. По тракту и нынѣ есть такіе пробойные остяки, которые ничѣмъ не хуже русскихъ. Типъ у нихъ почти русскій, шаманятъ рѣдко. Молодые, набравшіе себѣ въ жены русскихъ, прямо стыдятся стариковскихъ суевѣрій, не ходятъ въ кумирницы, подтруниваютъ надъ стариками, живутъ осѣдло домами, занимаются хлѣбопашествомъ (по Иртышу), скотоводствомъ, рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Такой инородецъ давненько вышелъ изъ опеки русскаго кулака, и послѣднему не провести перваго, хотя бы онъ и вздумалъ употребить

*) Медвѣдь въ исключительныхъ случаяхъ, весьма рѣдко задѣваетъ безоружнаго человека. По крайней мѣрѣ въ теченіе моей девятилѣтней службы въ низовомъ краѣ не было примѣровъ, чтобы медвѣдь, встрѣтясь въ лѣсу, безъ видимой причины напалъ на мирнаго дровосѣка, рыболова или собирателя орѣховъ или ягодъ; иное дѣло у него съ охотниками до его мяса и шкуры, которыя не рѣдко продастъ онъ не дешево — мясо за мясо и шкура за шкуру. Непочтительному къ своей особѣ сдвигаетъ шапку съ затылка вмѣстѣ съ кожей на глаза.

въ ходъ водку. Остякъ выпьетъ вино и будетъ стоять на своемъ. Нѣкоторые инородцы начинаютъ забывать свой родной языкъ и почти всегда говорятъ по-русски весьма отчетливо между собой.

Въ К—мъ приходѣ я зналъ старика остяка (нынѣ умершаго), у котораго было четыре сына (они и доселѣ благоденствуютъ), женатые на русскихъ изъ хорошихъ семействъ. Этотъ остякъ такъ былъ уменъ и набоженъ, богатъ и честенъ, а дѣти его такъ почтительны къ нему и уважительны къ духовнымъ пастырямъ, грамотны и развиты, что не было равныхъ упоминаемому семейству среди семействъ всего прихода, хотя, въ общемъ, весь К—скій приходъ состоялъ по преимуществу изъ русскихъ, зажиточныхъ и почти сплошь грамотныхъ торгашей крестьянъ — рыбопромышленниковъ. Что же мѣшаетъ и всѣмъ остальнымъ остякамъ быть такими же? Они и будутъ, или могли бы быть такими или подобными; но пока будетъ продолжаться эксплуатация русскихъ булаковъ среди инородцевъ, живущихъ по глухимъ заброшеннымъ урманымъ мѣстамъ, пока будетъ практиковаться спаиваніе остяковъ виномъ, пока на раззореніи и на нравственномъ паденіи инородцевъ созидаются громадныя капиталы избранныхъ, въ конецъ закабалившихъ и, какъ пауки, со всѣхъ сторонъ опутавшихъ тенетами своихъ должниковъ, — до тѣхъ поръ остякъ не возвысится до понятій высшихъ цѣлей человѣчества. Разъ зло уничтожится, остякъ станетъ не тѣмъ, чѣмъ онъ есть: тогда бы онъ принадлежалъ самъ себѣ и нашелъ бы время оглянуться на себя и свои невольныя ошибки. Да и какъ инородцу освободиться изъ-подъ опеки хитрыхъ и пронырливыхъ торговцевъ, кто пособить воиющей его нуждѣ? Ему нужны: хлѣбъ, товаръ для обуви и одежды, порохъ, дробь и мало-ли еще чего... Гдѣ онъ возьметъ все это, если не придетъ торговецъ, котораго онъ считаетъ своимъ благодѣтелемъ, ибо торгашъ вѣритъ и въ долгъ, но лучше бы брать на деньги.

Въ томъ то и суть, что торговцу нѣтъ пользы давать деньги за остятскій товаръ: онъ остяка снабжаетъ своимъ товаромъ, а остякъ его своимъ, только торгашъ старается поставить цѣну своему товару въ трое дороже, а остятскому — въ трое — въ четверо дешевле. Ну, такъ и идетъ изъ года въ годъ. Торгашъ съ года на годъ богатѣетъ, а остякъ — бѣднѣетъ. Только вотъ вопросъ: будутъ ли всегда подъ дубомъ желуди?..

Жалко остяка, и у него есть свѣтлыя стороны: взаимопомощь, честность въ словѣ, довѣрчивость, отсутствіе кражъ, но и эти качества въ нихъ могутъ рушиться, если не подать имъ руку помощи.

Драки во время пьянства доставляютъ инородцамъ удовольствіе, и одинъ на другаго, побитый на побившаго, никогда не сердится и ни за что на свѣтѣ, самъ собой, не вздумаетъ кляузить на обидчика. Остяки прикрываютъ обиды мировой. Въ этомъ разѣ русскіе далеко хуже: они тоже пьютъ и дерутся и рѣдко смирятся, причемъ сутяжничество у нашего мужика доходитъ иногда до того, что онъ, дабы выиграть дѣло, продастъ послѣднюю корову со двора, чтобы расплатиться съ „аблакатомъ“.

Итакъ, въ заключеніе, скажу, что остякъ нравственно ближе стоитъ къ христіанству, чѣмъ къ язычеству, и религіозно онъ недалекъ отъ христіанскихъ истинъ, а чтобы еще болѣе приблизить его къ церкви Божіей, которой онъ не чуждается никогда, слѣдуетъ только организовать устныя бесѣды и назидательныя чтенія по всѣмъ юртамъ прихода, хотя разъ въ мѣсяць, а для сей благой цѣли исходатайствовать священникамъ бесплатныя земскія поводы; при веденіи бесѣдъ не слѣдуетъ показывать и виду въ предпочтеніи мѣстныхъ крестьянъ туземцамъ, что ихъ всегда оскорбляло и оскорбляетъ. Они (остяки) считаютъ первыми строителями большей части храмовъ низового края не крестьянъ, а себя, и гордятся этимъ; также не допускаютъ мысли, что они не православны. Кромѣ того, мѣстнымъ пастырямъ, для своей же пользы и успѣха въ утвержденіи вѣры Христовой, далеко было бы не лишне изучить поосновательнѣе остятскій языкъ и, если будетъ возможность, изъясняться на немъ. Нельзя отрицать, что инородцы хорошо понимаютъ и русскій языкъ и охотно на немъ разговариваютъ, но совсѣмъ не то дѣйствіе производитъ на нихъ ихъ родная рѣчь, исходящая изъ устъ пастыря. Напримѣръ, пріѣзжаешь въ юрты за сборомъ и, пользуясь скуднымъ запасомъ инородческихъ словъ, вздумаетъ, бывало, щегольнуть предъ ними знаніемъ ихъ языкъ и скажешь: вые (давай) хуть (рыбы), нянь (печенаго хлѣба) и мого (мяса). Остякъ, заслыша родную рѣчь, такъ и встрепенется, засмѣется, глаза у него такъ и загорятся отъ радости, и онъ торопится вынести все просимое, если имѣетъ. Что бы вышло изъ того, когдабы

00. духовные въ точности передали ученіе Христа на ихъ родномъ нарѣчій?

Воображаю, и почти увѣренъ, что дѣло просвѣщенія инородцевъ свѣтомъ Христовымъ пошло бы не черепашьими, а колоссальными шагами и, по мѣрѣ этой быстроты, падали бы у нихъ и разрушались суевѣрія и мракъ оставшагося грубаго язычества. Большинство изъ захоластныхъ остяковъ говорятъ плохо по русски, понимаютъ туго, а остячки и совсѣмъ не умѣютъ говорить. Для такихъ-то субъектовъ примѣнимѣе была бы ихъ рѣчь.

Священникъ П. Закомельскій.